

Министерство культуры Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»**

Извилистые дороги судьбы старшего лейтенанта Курашева

Теребова Л.В.

2015

«Действительно только в трудных условиях,
в беде познаются люди и оцениваются их поступки
и отношение. Здесь, в невероятных условиях
фашистской неволи, меня, коммуниста и командира,
никто не выдал немцам. Больной, дошедший
до полного истощения, я выжил только благодаря
поддержке и помощи моих товарищей по неволе...»
(из воспоминаний И.М. Курашева)¹.

В 2015 году исполнилось 70 лет со дня Победы над фашистской Германией. В фондах Кирилло-Белозерского музея-заповедника хранится большое количество архивных дел личного происхождения, рассказывающих о фронтовиках, уроженцах города Кириллова и Кирилловского района. Среди них выделяется папка с документами и фотографиями Ивана Михайловича Курашева. В ней хранятся архивная справка и ответ на запрос о службе И.М. Курашева в вооружённых силах, поступившие из Центрального военно-морского архива города Гатчина. Здесь же можно ознакомиться с автобиографией и воспоминаниями², представляющими собой толстую подшивку машинописных и рукописных листов, в которых Иван Михайлович рассказывает историю СВОЕЙ войны. Он повествует об обороне Моонзундского архипелага, пребывании в плenу и побегах, боях на передовой, ранении и многом другом. Довелось ему столкнуться и с милосердием неприятеля, и с подлостью соотечественников. Не раз смерть ходила за ним буквально по пятам.

Статья представляет собой попытку опубликовать объёмные материалы воспоминаний Ивана Михайловича в сокращённом виде, максимально сохранив эмоциональный авторский стиль. В связи с этим, в статье приводится большое количество авторских цитат, введённых в основной текст. Для лучшего понимания текста цитаты выделены курсивом и вынесены в отдельные блоки. Авторские стилистические особенности и пунктуация сохранены. Несомненно, данные материалы могут быть интересны для широкого круга читателей, как любителей, так и специалистов, изучающих Великую Отечественную войну и, в частности, героическую оборону Моонзунского архипелага в первые месяцы войны.

Иван Михайлович Курашев родился в 1906 году, в деревне Савинская Кирилловского района. Его отец – Михаил Яковлевич Курашев был «первым уполномоченным деревни при советской власти», председателем артели рыбаков и организатором коммуны. Он рано умер, оставив жену и шестерых детей. Старшим из них был шестнадцатилетний Иван. До призыва

на военную службу он учился и работал в родной деревне в сельском хозяйстве, занимался рыбной ловлей, был рабочим на маслодельном заводе города Кириллова, позднее работал на Урале в городе Надеждинск. В 1928 году он был призван в артиллерийский зенитный полк ПВО Ленинградского гарнизона. Вся дальнейшая служба И.М. Курашева связана с противовоздушной обороной.³ (Фото1–2).

Фото 1. И.М. Курашев. Ялта. 1940 год.

Фото 2. И.М. Курашев (справа) в служебном кабинете.

Конец 1930 – начало 1940-х годов.

Начало Великой Отечественной войны Иван Михайлович встретил на острове Эзель (Сааремаа) Моонзунского архипелага⁴ (Рис. 1–2) в составе второй отдельной роты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) участка противовоздушной обороны Береговой обороны Балтийского района (БОБР) Краснознамённого Балтийского флота. По состоянию на 21 августа 1941 года рота насчитывала 268 человек личного состава. Командные должности занимали 8 человек. И.М. Курашев, техник-интендант 1-го ранга⁵, являлся заместителем командира роты⁶. Численность всех подразделений, дислоцировавшихся на островах архипелага в начале Второй мировой войны, составляла 15 тысяч человек. Эти люди проявили небывалый героизм и стойкость в борьбе с фашистами. После отступления советских войск с территории Прибалтики, острова стали передовым опорным пунктом флота и авиации и самой западной точкой суши, контролировавшейся советскими войсками. Именно на острова Моонзундского архипелага в начале августа 1941 года прибыли 2 эскадрильи тяжёлых бомбардировщиков под командованием полковника Е.Н. Преображенского. Позднее, 8 августа, они совершили длительный перелёт, конечным пунктом которого был Берлин. По немецкой столице тогда был нанесён бомбовый удар, возымевший огромное военно-политическое значение⁷. Бомбардировка Берлина

продолжалась почти в течение месяца до 5 сентября 1941 года. Гитлер потребовал от своего командования срочно ликвидировать военно-морские и военно-воздушные базы на островах Даго и Эзель и, в первую очередь, аэродромы, с которых производятся налёты на Берлин⁸. Началась ожесточённая борьба за эти территории, длившаяся более месяца – с 7 сентября до 19 октября 1941 года. На подавление сопротивления на острова архипелага были брошены крупные подразделения германской армии. Защитников островов было значительно меньше.

«Если сравнить нашу всю группу военного времени, нас было меньше дивизии в количественном выражении и так же в технически-боевом обеспечении. В сентябре месяце 1941 года наши Советский морской флот уже нас не поддерживал, так как ушел на базы к Кронштадту и Ленинграду», – писал впоследствии о тех событиях Иван Михайлович.

Рис.1. Острова Моонзундского архипелага (красный)

Рис.2. Карта Моонзундского архипелага

В своих воспоминаниях И.М. Курашев приводит схему расположения баз ПВО на островах архипелага накануне войны и в её первые месяцы (Рис.3) и очень подробно описывает всю сложность ситуации, в которую попали бойцы дислоцировавшихся на архипелаге подразделений. С того момента как Моонзунский архипелаг был отрезан от материка и всех баз Балтийского флота, снабжение воинских подразделений прекратилось. Приходилось довольствоваться только старыми продовольственными запасами и «помощью ... от эстонского населения островов через местные советские органы». Боезапасов в частях также было недостаточно. Связь с незахваченными территориями велась только по радио.

Рота, в которой служил И.М. Курашев, совершенно не подготовленная к военному положению, была переброшена для дислокации на остров Эзель в начале мая 1941 года. Не изменилась ситуация и с началом военных действий.

«Рота была укомплектована командным и личным составом, вооружением, снаряжением и транспортом по штатному расписанию и табелям мирного времени. Вооружение было старого образца, как учебное оружие, и не полностью на весь личный состав...».

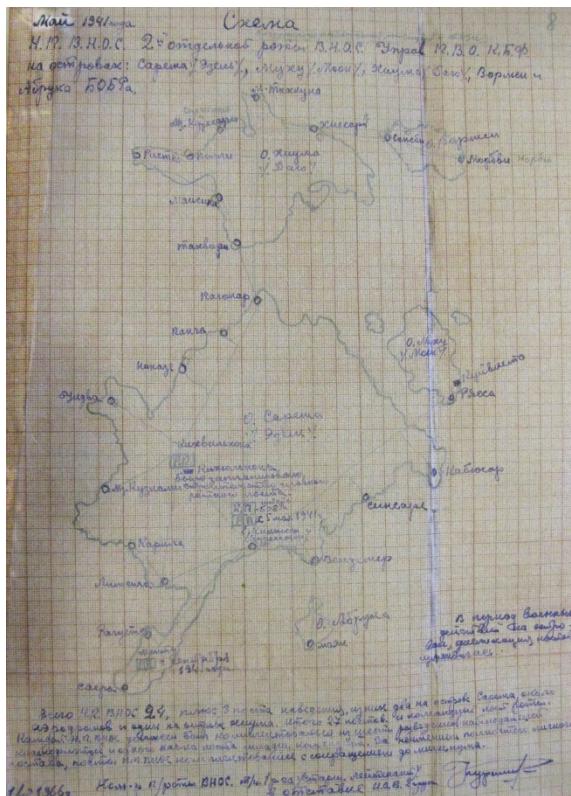

Рис.3. Схема расположения баз ПВО на Моонзундском архипелаге в мае 1941 года, нарисованная И.М. Курашевым в 1966 году.

Непосредственно на острове Эзель бои с превосходящими силами противника шли больше двух недель (с 14 сентября до начала октября 1941 года). В конце сентября 1941 года была создана линия обороны на перешейке Сырве острова Эзель. Обстановка на линии столкновения складывалась не в пользу защитников архипелага. Противник прорвал оборону 4 октября. Защитники были отброшены к Балтийскому морю. Из штаба БОБРа поступила команда к отступлению и рекомендация уничтожить оборудование и документацию.

Обстоятельства сложились таким образом, что принимать решение по дальнейшим действиям подразделения пришлось Ивану Михайловичу. Стало известно, что командование штаба покинуло остров ещё 2 октября, а командир роты лейтенант В.П. Попов к этому моменту уже более суток не появлялся в расположении подразделения⁹. И.М. Курашев принял решение переправиться с уцелевшими бойцами на остров Хиума (Даго), где также

находились несколько наблюдательных постов. Осуществить задуманное не удалось, так как на побережье была обнаружена только одна лодка. Троє краснофлотцев на ней отправились на остров Хиума, чтобы сообщить о положении сослуживцев. Остальным для выхода из окружения оставался только один крайне рискованный вариант – попробовать проскочить на полном ходу на машине линию обороны противника и, бросив машину в лесу, скрыться.

«Даю распоряжение личному оставшемуся составу (5 человек)... Всем одеть русские сапоги, сверху на себя одеть плащи защитного цвета, на головы одеть шапки – время осеннее к зиме... Даю распоряжение к уничтожению командного поста роты... К вечеру было всё уничтожено, за исключением одной автомашины полуторки... Наступила тёмная ночь, время было к часу ночи... я дал распоряжение шофёру ... завести машину, фар не зажигать и всем садиться в машину, и мы двинулись в путь...»

Проехали местечко Менту, узкий перешеек Сырве, ехали долго среди разрывов снарядов и мин... В этот момент я был ранен в ноги... но ноги действовали... Проезжая узкое место перешейка..., перед нами оказалось препятствие, сваленное попрёк дороги дерево...».

Оказалось, машина попала во вражескую засаду. И.М. Курашев вместе с бойцами был захвачен в плен.

«Нас отправили в сторону от дороги к кострам, где уже сидела большая группа наших пленных людей с острова Эзель. Тут же у костра незаметным образом я свои личные документы сжёг ... и не попали мои документы врагу....», – вспоминал Иван Михайлович.

Благодаря полной темноте, Ивану Михайловичу удалось спорить с рукавов форменной одежды нашивки – знаки отличия, что позволило скрыть офицерское звание.

Пленных часто перемещали из одного лагеря в другой. Сначала они находились на территории порта в городе Курессааре, где И.М. Курашев встретил своих сослуживцев: политрука роты К.А. Андреева¹⁰ и группу красноармейцев, попавших в плен ещё накануне. К.А. Андреев и И.М. Курашев, находясь среди пленных, старательно скрывали свою принадлежность к командно-офицерскому составу. В лагере немцы через предателей пытались выявить политработников и коммунистов и, обнаружив их, тут же расстреливали. Спустя несколько дней пленные в эшелонах с открытыми платформами были перевезены в город Валга (на границе Эстонии с Латвией). В этом лагере, в бывших кавалерийских конюшнях, условия содержания пленных были гораздо хуже.

«Кормили нас ужасно, отвратительно, вернее почти не кормили ... и за самое короткое время мы дошли до последней степени истощения, стали походить на призраков и смертность среди нас достигла 30-40 человек в день», – писал И.М. Курашев.

Вероятно, это был пересыльный лагерь¹¹. Через 2 недели пребывания в Валге политрука К.А. Андреева отправили в Германию, а И.М. Курашева перевели в местечко Иофе в Эстонии.

«Уже стали холода, а нас везли в вагонах без крыши. Спасло от замерзания то, что нас набили в вагоны вплотную и мы, стоя впритирку, друг от друга согревались. ... Мы были одеты по-летнему легко. Нашу группу пленных островитян выводили на наружные работы, а морозы в 1941 году наступили очень рано. Мы не погибли только потому, что всё помещение лагеря отапливалось».

Ивану Михайловичу особенно запомнились два немца своим отношением к пленным.

Он писал: «Комендантом лагеря был немец уже в годах, звания и фамилии его не помню. В Германскую войну 1914 года он был в плену в России и немного говорил по-русски, а понимал русскую речь, конечно, больше. Чувствовалось, что он не был ярым фашистом и проводил кое-какую заботу о пленных. Население местечка Иофе относилось к нам пленным сочувственно, были случаи пожертвования из продуктов для нашего лагеря и комендант это разрешал, что не разрешалось комендантом в других лагерях, даже строгое преследовалось... Среди немцев очень выделялся один небольшого роста, рыжий и кудрявый, это был не человек, а зверь, который всё время ходил с резиновой палкой и систематически занимался побоями...».

Охранники и конвоиры в основном были эстонцами, большинство из них относилось к пленным «по-человечески». В тоже время некоторые отличались особой жестокостью, наказывали за любую пустяковую провинность: привязывали к деревьям на морозе часа на три или жестоко избивали, а потом «пристреливали».

«За каждого измученного и убитого пленного конвойные получали бутылку водки и пачку сигарет».

Несмотря на сложность положения, пятеро пленных, среди которых был и Курашев, организовали подпольную группу и разработали план побега, целью которого было выйти на партизан и, таким образом, «пробиваться к своим». По информации лагерного переводчика М.Ш. Дикеля, служившего ранее вместе с Курашевым, они собирали информацию о количестве и расположении немецких войск, изучали особенности осуществления охраны лагеря.

Реализовать этот план побега, к сожалению, не удалось. Возможно, немцы что-то заподозрили. В январе 1942 года в лагере был проведён обыск, не давший результата, но вынудивший приостановить подготовку побега. В конце марта всех островитян-моряков, в том числе и членов подпольной группы, перевели в пересыloчный лагерь Тапу, откуда распределили по другим лагерям. В мае 1942 года Иван Курашев был отправлен во Псков.

«Режим в лагере был нечеловеческий. Работать заставляли от темна до темна. Нас кормили: раз в день мутная баланда и буханка хлеба с опилками одна на десять человек... На местах наружных работ травы после нас не оставалось, мы всю подчистую поедали... За каждую провинность пленных избивали резиновыми палками и шлангами, смотря по провинности пленного двадцать пять, пятьдесят, семьдесят пять ударов и доходило до ста ударов. Много было скрытых полицаев-provокаторов, которые шныряли по лагерю и баракам ..., если пленные по своей неосторожности попадались на заметку провокаторам, эти пленные увозились в неизвестном направлении и мы их уже больше не видели... В 1942 году много приходило фашистских агитаторов, которые предлагали ... пойти на военную службу во Власовскую армию, в основном агитировали украинцев. Желающих находилось очень мало. Мы, пленные, по этому определяли, что у фашистов очень плохо обстоят дела на фронтах.... Часто стала появляться наша Советская авиация... над городом ... Из лагеря часто пленные совершали побеги, были удачные и не удачные».

О реализации побега не переставал думать и Иван Михайлович. Весной 1943 года с большой партией пленных в лагерь прибыл А.Н. Викторов, младший командир роты и сослуживец И.М. Курашева. Вместе они стали готовиться к побегу. Решили бежать 18 июня 1943 года с места работ и встречаться в намеченном месте. Конвоиры на наружных работах были русскоговорящие молодые ребята. Они в некоторых случаях разрешали отойти пленным до близлежащих домов минут на 5–10 без сопровождения. У местных жителей пленные нередко выменивали на хлеб украшения, сделанные своими руками. Под этим предлогом отпросился и Иван Курашев. Он сразу отправился к месту, где должен был

встретиться со своим однополчанином. Однако пробираться к линии фронта Ивану Михайловичу пришлось одному – его товарищ не пришёл.

Пролежав весь день в кустах, с наступлением темноты И. Курашев отправился на восток. Несколько дней он питался только травой и ягодами. Со временем, несмотря на опасность, ему пришлось заходить в деревни, чтобы попросить пищи. Одни люди в страхе перед немцами, прогоняли его прочь, другие давали поесть и объясняли, как лучше обойти немецкие патрули.

«Проходя лесом, в одном месте нашел свежий номер газеты «Ленинградская правда» от 12 июня 1943 года. Можно представить мою радость, учитывая сколько времени не держал в руках наших газет. Сидя под кустом я несколько раз перечитал его... Было намерение при случае рассказать о прочитанном нашим советским людям при встрече».

В «Ленинградской правде» имелось обращение к оккупированному советскому народу и статья о победах Красной Армии и положении на фронтах. Иван Курашев, проходя по деревням, знакомил с этой газетой местных жителей. Он надеялся расположить их к себе и получить информацию о том, как попасть к партизанам. Позднее, он вспоминал, что все с радостью и искренним интересом читали газету, в то же время желаемой информации он так и не получил. Вероятно, сельчане, которые держали связь с партизанами, не вполне доверяли человеку пришлому, опасаясь провокации.

Передвижение И.М. Курашева по оккупированным территориям облегчалось тем, что его внешний вид не привлекал внимания немецких военных.

«Наружность моя в то время была сама по себе маскировкой. Несмотря на мои молодые годы (в 1943 году И.М. Курашеву исполнилось 38 лет – авт.), я выглядел стариком. С бородой, в руках палка, через плечо сумка – старый нищий, да и только.

Захожу по маленькой улочке в село... смотрю – перпендикулярно этой улочке проходит вдоль всего села шоссе, ну, думаю, держись Ванька, выходя на главную улицу села, из-за поворота навстречу мне двое немецких дозорных с автоматами за плечами, не обращая особого внимания на них, прошёл. Найдя глазами поворот на той стороне, я перешёл через шоссе, в некоторых домах села выглядывали из окон немцы и стояли мотоциклы. Выходя из села, только тогда подумал, что мне грозило».

Более полумесяца прошло со дня побега, много километров прошагал Иван Михайлович за это время, но до линии фронта так и не добрался. Окончательно удача

отвернулась от него 9 июля 1943 года. Не секрет, что среди русского населения на оккупированных территориях встречались и предатели, служившие немецким оккупантам. С такими людьми и довелось столкнуться Ивану Курашеву в тот роковой день. Сбившись в дороги, мучимый голодом, он решил зайти в ближайшую деревню, называлась она Дубки.

«Подход к крайнему домику был хороший, через огород..., а около домика стояла молодая женщина в голубом хорошем платье, спросила меня, куда идёшь, на мои слова ответила очень дерзко. Зашёл в избушику... меня встретили с репликами и обидой... дали на ходу маленькую корочку хлеба и три картофелины и выпроводили поскорее из избы. При выходе ... на маленькое крылечко, меня ожидало несчастье... эта женщина в голубом платье успела сообщить обо мне... Только я вышел из дверей на крыльце, а меня уже оказывается ждали трое вооружённых людей... Меня крепко избили, сначала особенно старик старишина волости Березки, приговаривая, что я политрук, комиссар и коммунист, партизан ..., а потом меня поставили к стене этого домика, старишина (деревни – авт.) приставил ствол револьвера мне ко лбу... Слышу волнение собравшегося населения... Запомнил только некоторые слова, что бросьте издеваться над стариком, он идёт, никому не мешает и зла никому не делает».

Вероятно, возмущение собравшихся возымело действие. «Старика» обыскали и, не найдя ничего подозрительного, отвели в один из домов на ночлег, а на утро отправили в ближайший лагерь, располагавшийся близ деревни Заполянье¹². Свобода закончилась. Иван Михайлович вновь оказался в плену.

«Подходя к лагерю, сразу увидел, куда меня ведут, какая-то постройка, кругом огороженная высокой проволокой, и стоят кругом часовые... и рядом через дорожку другое маленькое помещение без окон, а сильно опутанное колючей проволокой, потом оказалось, что это карцер. В этот карцер я и был водворён прямо сходу...».

После нескольких дней, проведённых в карцере, пленника допросили и направили для работы в мастерскую, где трудились мобилизованные на работу евреи из Польши. Иван Михайлович должен был изготавливать разного вида ювелирные изделия и являлся среди мастеровых единственным пленным.

За пленными тщательно следили. У коменданта служил «какой-то русский маленького роста, горбатенький, уже в годах», который выполнял обязанности «фашистской ищейки». Вероятно, на основании предоставленной им информации часто из бараков в

неизвестном направлении уводили арестованных, обратно они не возвращались. Ходили слухи и о том, что были расстреляны за какую-то провинность 20 охранников-латышей. Подтверждение этим слухам и догадкам Иван Михайлович получил спустя несколько месяцев пребывания в Заполянье. В октябре в лагерь привезли одиннадцать евреев, среди них были «учёные и профессора» из оккупированных европейских стран. Через несколько дней всю эту группу вывели из помещения лагеря и отправили на лошадях в лес. Из мастерской, где трудился Иван Курашев, была возможность следить за происходящим снаружи. Оказалось, новоприбывших евреев заставили вывозить из леса трупы людей, расстрелянных в течение длительного времени, и сваливать в большую яму. Трупы обливали керосином и сжигали, отчего сильный дым и запах проникал в помещение мастерской. Потом послышались выстрелы и всё закончилось. Происходящее позволяло предположить, что фашисты заметают следы преступлений, а значит, готовятся к отступлению. Это предположение подтвердилось спустя несколько дней. Всех заключённых поделили на три группы. В первую группу отобрали молодых и здоровых мужчин, вероятно, для отправки в Германию, во вторую – людей для обслуживания комендатуры, в третью вошли в основном старики, которых, видимо, готовили к уничтожению. Избежать распределения в третью группу Ивану Михайловичу помог случай: на сортировке присутствовал «какой-то вышестоящий начальник, который сказал, что мастера нужно оставить». Вместе с вольнонаёмными евреями он попал во вторую, самую малочисленную группу, которой после отправки остальных пленных было поручено сломать помещение лагеря и проволочное ограждение.

После ликвидации лагеря Ивана Михайловича поместили вместе с евреями. Для работы единственного оставшегося пленного рядом с комнатой охранников отгородили маленький уголок с окном. Ювелирные вещички, выполняемые им, очень нравились немцам, и работы всегда было много. Но, спустя некоторое время, до И. Курашева дошла неприятная весть о том, что немцы собираются расстрелять всех мастеровых: сначала евреев, а потом и пленного русского. И снова вмешался случай.

«Осенние дни очень короткие и очень рано наступает темнота, – вспоминал Иван Михайлович. – Мы услышали стук немецких тяжёлых сапог, поднимающихся по лесенке на второй этаж, видно, пошли за жертвами наверх... Леля (кухарка из лагеря – авт.) говорит, что повели первого на расстрел, а потом второго, третьего и т.д., а потом тебя, а сама плачет... Нам были слышны выстрелы, и мы определили, что расстреливали товарищей. Через некоторое время всё стихло и я в ожидании своей очереди, и очередь подошла... Спокойно встаю, ещё киваю Леле, говорю: «Прощай» и выхожу в сопровождении конвоя из

помещения на улицу, кругом темно.... Меня и конвой останавливает шедший навстречу немец в чине офицера, который стал разговаривать с конвойным... и я понял, что он интересуется, куда повели пленника–мастера и почему. После выяснения немец кричит мне по-немецки раз и два, что нужно идти обратно...».

Видимо, инициатива расстрелять мастеровых принадлежала исключительно коменданту лагеря, и не была согласована с вышестоящим начальством. Так случай и «золотые руки» Ивана Курашева вновь спасли его от смерти.

Утром было получено распоряжение собрать инструменты, недоделанные изделия и приготовиться к отправке. Иван Михайлович был снова переведён, теперь уже в город Порхов Псковской области, где продолжал выполнять ту же работу, что и в лагере, и ремонтировал мебель. Мастерская в Порхове располагалась на первом этаже большого здания, рядом с общежитием для наёмных работников и кинозалом, на верхнем этаже располагался штаб гестапо, а в подвале была камера для заключённых.

14 ноября 1943 года на верхнем этаже здания произошёл взрыв, и снова Иван Михайлович остался жив.

«Быстро разобрался, в чём дело, особенно по голосам немцев, ужасно орущим и стонущим. ... Огляделся кругом, двойные двери из кинозала выбиты, в проём осыпался ломаный кирпич, штукатурка и прочее до самого потолка. Окно из мастерской во двор вышибло, кое-что из ящиков и шкафов нет в мастерской, всё вылетело, видно, в окно. Головного убора своего я не нашёл, с головы куда-то унесло. Посмотрел на себя, нигде не заметил даже царапинки, удивился, как, думаю, уцелел и меня не выбросило никуда... Ну, думаю, опять мне повезло... Меня, видно, перевернуло в воздухе и поставило на ноги... Через несколько минут пришёл отряд немцев в мастерскую... меня вывели во двор и втолкнули в камеру подвала на своё место...».

На следующее утро в камеру стали поступать целыми группами арестованные из местного населения, и мужчины, и женщины, всех возрастов – усиленный террор стал последствием взрыва. Велись допросы, всех арестованных держали под строгим надзором, но следствие гестаповцев зашло в тупик... Никаких подробностей об организации взрыва в те дни И.М. Курашеву узнать не удалось. Позднее, в 1960 году, он нашёл оперативные сводки Советского информбюро и газету «На страже Родины», в которых упоминалось это событие. Ему стало известно, что во взорванном здании проходило совещание немецких

офицеров Порховского гарнизона, многие из которых (около 200) погибли. Взрыв был организован подпольщиками города Порхова.

По прошествии некоторого времени после взрыва, жизнь стала возвращаться в прежнее русло. Ивана Курашева вместе с другими заключёнными стали выводить на наружные работы: на заготовку дров, погрузку убранства и ценностей, вывозимых из Елисеевского особняка. Именно во время работы в Елисеевском особняке Иван и познакомился с местной девушкой Тоней, которая впоследствии помогла ему совершить новый побег. Шёл третий год с тех пор, как техник-интенданант 1-го ранга И.М. Курашев со своими сослуживцами попал в немецкую засаду на острове Эзель и оказался в плену... Но, несмотря на все трудности, Иван Курашев, по-прежнему, мечтал о побеге и готовился к нему, выжидая удобного случая.

В январе 1944 года его вместе с двумя заключёнными поселили в небольшом домике, где все трое работали в мастерской и ухаживали за скотом и лошадьми, хлев и конюшня располагались во дворе. Известия с фронта не доходили до пленников, но по поведению немцев было очевидно, что их преследовали неудачи на фронтах. Особенно перемены стали заметны в феврале 1944 года. Среди немцев наметилось большое движение, сути. Они усиленно занимались погрузкой имущества на машины и телеги. Участились пьяники охранников, набранных немцами из местного населения, а потому сильно опасавшихся освобождения оккупированных территорий от фашистов и последующей смены власти.

«Некоторые изливались, плакали, возможно, раскаивались в своих поступках», – отмечал в своих воспоминаниях И.М. Курашев.

Нестабильная ситуация явно способствовала планированию побега. 21 февраля 1944 года двое напарников Ивана Курашева на лошадях, запряжённых в дровни, были отправлены за сеном, но к вечеру не вернулись. Охранники очень лютовали по этому поводу, видимо, пленные сбежали. 23 февраля наступил удобный для побега момент и для Ивана Михайловича. Охранники уехали, оставив его без присмотра, самая резвая лошадь Маруська стояла в конюшне. В сложившейся обстановке передвижение по городу на гружёной телеге было лучшим способом маскировки.

«Во дворе осталась только телега городского типа, на которой зимой извозчики ездят. Быстро запрягаю свою Маруську в эту телегу, кладу разное барахло... и быстро выезжаю по направлению к дому девушки Тони... ехать нужно было через центр, узкими улочками... Подъехал к дому, на мой стук отвечала Тоня... Тоня к отъезду была готова и

предложила мне взять одну женщины с двумя небольшими детьми, я дал согласие, думая, что действительно будет легче для маскировки: целая семья куда-то переезжает, старый старик, две женщины и двое маленьких детей... Погрузились мы, получился небольшой нагруженный воз, и ночью двинулись в путь-дороженку».

На следующее утро путники были уже за городом. Двигаясь по направлению к линии фронта, на ночлег остановились в деревне Пески. Местные жители, приютившие беглецов, оказались людьми хорошими и надёжными.

«... рано утром было замечено, что несколько вооружённых немцев чего-то искали по деревне..., я был предупреждён и спрятан в курятник под кучу соломы ... Действительно опасения хозяев и Тони подтвердились, двое немецких солдат зашли в дом и искали меня, не обнаружив, ушли... Только к ночи мне разрешено было выбраться... На следующий день 26 февраля 1944 года опять угрожала опасность, на этот раз спрятали в хлев к коровам, на дно в кормушку... и засыпали сеном... коровы ели и тоже не выдали меня, спокойно стояли и жевала сено, не обращая внимания на окружающую обстановку... В эти дни с каждым часом нарастал гул артиллерии... Было похоже, что немцы торопились куда-то...».

Усиливалась артиллерийская стрельба, громче стали слышны разрывы снарядов, поэтому к ночи все спустились в блиндаж.

«Нам не пришлось долго там сидеть, артиллерия стихла, кругом наступила тишина, мы из укрытия вышли... До утра оставалось время не так много, даже не пришлось и заснуть. По деревне начали проходить первые группы солдат. Возможно, это были группы разведки. Обстановка стала ясна... Это было утром ещё не совсем светлого 27 февраля 1944 года... С фашистской неволей было всё покончено, я свободен...».

К вечеру того же дня стало известно, что советские войска заняли г. Порхов. На следующий день, 28 февраля, Иван Михайлович со своей попутчицей прибыли в Порхов. Город было трудно узнать. От больших каменных домов почти ничего не осталось – при отступлении немцы старались разрушить как можно больше. И.М. Курашев отправился в органы контрразведки вооружённых сил СССР, где была выяснена и подтверждена его личность. Затем он был направлен для службы в особом отделе НКВД «по выявлению и дознанию бывших прислужников фашистской армии». Там бывший пленный, наконец, сбрив бороду и смог избавиться от образа «дедушки» – так называли его в лагерях.

Опыт жизни в плену помог Ивану Михайловичу во время службы в отделе дознания. Как человеку, много пережившему в «фашистских лагерях, знающему повадки фашистских прислужников», ему гораздо быстрее удавалось получать признание у задержанных. Однажды в отдел привели двух лиц, дознание которых проводили безрезультатно несколько часов. Курашев сразу смог узнать в одном из них человека, служившего начальником тюрьмы города в период фашистской оккупации, и получить от него признания. Вторым задержанным оказался полицейский.

Для продолжения работы в органах контрразведки необходимо было пройти спецроверку. Иван Михайлович был направлен в город Калинин в лагерь НКВД СССР № 174. В этом лагере он был осмотрен врачом, поставившим бывшему пленному диагноз «тяжёлая форма дистрофии». Обследовал врач и ранения ног, полученные ещё в октябре 1941 года. Во время прохождения спецроверки И.М. Курашеву удалось узнать о судьбе своей семьи. Его мать была жива, всю войну и период блокады жила и работала в Ленинграде, два брата погибли на фронтах, жена с двумя детьми были эвакуированы и жили в деревне Савинская Кирилловского района Вологодской области, в деревне, где родился и провёл свои детские годы Иван Михайлович. Узнал он и о смерти своего старшего любимого сына.

Спецроверка прошла успешно, по её окончанию Иван Курашев был направлен в 22-й стрелковый отдельный штурмовой батальон¹³, формировавшийся в это время близ Москвы из офицеров, побывавших в плену.

«Весь состав батальона был сформирован из офицеров по чинам разных рангов, начиная с лейтенанта, включительно до полковников, может быть и генералы.... Батальон был вооружён до зубов, как говорят».

В штат подобных подразделений входили и «нестроевые чины» – повозочные, кузнецы, ковочные, портные, сапожники, повара, шофёры, которые тоже комплектовались за счёт офицеров, прошедших спецлагеря НКВД. Общая численность батальона составляла одну тысячу двести человек.

После небольшой ознакомительной подготовки военнослужащие вновь сформированного подразделения были погружены в эшелон и направлены в распоряжение командующего первым Прибалтийским фронтом генерала И.Ф. Баграмяна. К месту назначения эшелон прибыли 23 ноября 1944 года.

«Для встречи командующего фронтом был выстроен поротно весь личный состав батальона, командующий прибыл на белом коне, в белом полушибке, в сопровождении штабных офицеров и адъютанта», – вспоминал И.М. Курашев.

Командующий фронтом кратко объяснил бойцам ситуацию, сложившуюся в данном районе. Суть сказанного заключалась в следующем: советскими войсками Прибалтийского фронта была окружена крупная группировка фашистских войск, но неоднократные попытки прорвать оборону противника терпели неудачу. Как выяснилось далее из речи генерала, батальон, в который попал Иван Михайлович, был специально сформирован для совершения прорыва линии обороны противника. Операцию планировалось провести в районе города Либавы (Латвия).

«Мы, большинство были кадровые офицеры, много лет прослужившие кто в Красной Армии, кто в Военно-Морском флоте СССР, все политически грамотные люди, хорошо разбиравшиеся в обстановке, – далее вспоминает Иван Михайлович. – Мы были преданные своей советской Родине... перенесшими нечеловеческие ужасы фашистского плена на себе, многие из нас были больные, имели тяжёлую форму дистрофии... Я лично ... и наверняка все остальные офицеры нашего батальона прошли спецроверку. Мне не было предъявлено никакого обвинения в нарушении наших советских законов и другое..., я не был судим или осужден... и за мной не числилось никаких преступлений... Мы, все офицеры, были обмундированы в солдатскую форму, выполняли обязанности рядовых стрелков. Как грубо, жестоко нарушая советские законы, поступили советские военные органы с нами, советскими офицерами, в то время. Эти органы действовали по принципу: чтобы не пропустить одного виновного, пусть десять невиновных погибнет. Мы прекрасно всё понимали и разбирались во всём... и сознавая это беззаконие к нам, шли бодро в бой, преданные Родине... и знали, что многие из нас не вернутся, погибнут в бою, но считали, если погибнем, то действительно в бою, за Родину, на брани поля боя».

Утром 24 ноября 1944 года батальон был уже на переднем крае. Перед бойцами была поставлена боевая задача: после артиллерийской подготовки батальон поротно должен вступить в бой «на прорыв вражеской линии обороны».

«Во время стрельбы всех калибров нашей артиллерии всё грохотало и дрожала земля..., только были видны огненно-красные или белого цвета, летящие в сторону противника, снаряды. Со стороны противника стали прилетать в нашу сторону

снаряды..., от одного разрыва снаряда появились первые жертвы нашего батальона, ... наше командование в палатке, в лесу, частично погибло и были ранены».

В 9 часов утра следом за пущенными на противника танками батальону было приказано вступать в бой.

«Кругом все грохотало, гром и гул нашей артиллерии, грохот наших танков, шум авиации, свист снарядов и пуль наших и врагов, человеческий голос совершенно не был слышен. Погода в тот день выдалась безветренная, без снега, дождя и ясная.

Противник вооружён был крепко, много было сосредоточено разных калибров пулемётов. Я не говорю уже об артиллерию, из пулемётов стреляли трассирующими пулями, перекрёстным огнём, и нас, наступающих, было хорошо видно и наши шинели были простреляны как решето. Некоторые наши товарищи взрывались на минах и валились как подкошенные снопы. Несмотря на такой тяжёлый бой, мы прорвали первую линию обороны противника и проскочили эту гладкую площадку местности, но с очень большими потерями для нас. Мы вступили в реденький маленький лесок и дальше с боями продвигались вперёд. Линия обороны фашистской либавской группировки немецких войск была нами, офицерами, прорвана и за нами пошли в наступление другие роды наших советских вооруженных сил».

К вечеру 24 ноября Иван Курашев был ранен. Находившиеся рядом сослуживцы за ворот шинели оттащили его в ближайшую канаву и перевязали.

«Бой шёл в полном разгаре, не переставая ни на минуту. После ухода товарищей дальше в бой, я обнаружил, что левая нога у меня совершенно не действует в коленке и ступне. Ужасные, сильные боли в ноге и чувствовал боль в левом плече, но руки работали хорошо».

Передовые отряды войск ушли далеко вглубь территории, обороняемых противником. Наступила ночь, которую И.М. Курашев провёл всё в той же канаве, вспоминая 1941 год на островах в Балтийском море. По удивительному стечению обстоятельств, именно в этот день, 24 ноября 1944 года, когда Иван Курашев в составе штурмового батальона учавствовал в прорыве обороны противника у города Либавы, войска Ленинградского фронта при поддержке кораблей Краснознамённого Балтийского флота очищали от противника остров Эзель Мооздунского архипелага, завершая освобождение территории Советской Эстонии от немецких захватчиков.

Ночь прошла спокойно, даже стрельба немецкого пулемёта, которая была слышна с вечера, заглохла. Видимо, была уничтожена огневая точка неприятеля. Светили звёзды. Вокруг было множество убитых, были и раненые. Никакого движения не происходило. Попытка ползти в поиске помощи успехом не увенчалась – через несколько метров от сильной боли Иван Михайлович упал без сил. Лишь на вторые сутки после ранения, к вечеру 25 ноября, на него наткнулись военнослужащие наблюдательного поста, перенесли раненого бойца в блиндаж и вызвали машину для эвакуации в санитарный батальон. Но в санбат он попал только на следующий день.

«Капитан, убывая с личным составом наблюдательного поста на новое место, распрощался со мной и убедил, что машина обязательно придет. В течение ночи машина не пришла, а может и была, но найти меня не могли. Дождавшись восхода солнца, кое-как выбрался из блиндажа и тут же услышал стук, подходила к этому месту артиллерийская батарея. Сразу обратили на меня внимание, выяснили что со мной, накормили и через некоторое время на попутной грузовой машине... отправили в санбат».

В санбате Ивана Михайловича прооперировали и на ближайшем санитарном поезде отправили на лечение в тыл. До отправки он успел узнать неутешительные новости о своём батальоне: из всего состава подразделения в живых осталась только третья, остальные погибли.

Спустя две недели санитарный поезд, на котором ехал Иван Михайлович, прибыл к месту назначения в город Семёнов Горьковской области. Раненые были размещены в эвакогоспитале¹⁴. Лечиться пришлось долго, около семи месяцев, нужно было не только залечить раны на ноге и плече, но и заново научиться ходить. Конец войны тоже пришлось встретить в госпитале, поскольку выписан И.М. Курашев был только в начале июня 1945 года. Казалось, все неприятности закончились, впереди ждёт счастливая мирная жизнь. Но реальность оказалась иной. Немецкий плен стал клеймом в биографии советского офицера.

После выписки Иван Михайлович получил направление о явке в штаб Московского военного округа, откуда сначала был направлен в резервный офицерский полк, а 22 августа 1945 года, после долгих поисков личного дела, демобилизован по возрасту и с учётом инвалидности отправлен в запас с припиской по месту жительства в г. Ленинграде.

«После войны жизнь в Ленинграде была тяжёлая, на каждом шагу были видны раны, нанесённые войной и, особенно, блокадой, много разрушенных зданий, не хватало электроэнергии..., вместо стёкол была вставлена фанера, было холодно и неуютно...»

В Ленинграде Иван Курашев получил паспорт, медаль «За Победу над Германией» и военный билет офицера Военной комендатуры Ленинградского района. В сентябре того же года он поехал в Порхов, чтобы встретиться со своими спасителями – девушкой Тоней и семьёй Николая Николаевича из д. Пески.

«От станции г. Порхова я пришёл к месту нахождения красного дома и нашёл его в таком же состоянии после произведённого взрыва ... 1943 года... Я подошел, не доходя метров сто до дома и, задумавшись, стоял, вспоминая то время, когда я находился в подвале этого дома во время моей фашистской неволи... После раздумий, повернувшись, зашагал по одной выбранной мною дорожке с надеждой найти девушку Тоню, которая помогала мне в побеге».

При встрече Тоня, а позднее и Николай Николаевич с женой были очень удивлены, увидев вместо измождённого старика с бородой, достаточно молодого офицера. Два дня Иван гостив в деревне Пески, а затем, оставив свой адреса гостеприимным хозяевам, вернулся в Ленинград.

«Положенный отпуск после демобилизации должен был закончиться 22 ноября, до этого числа я должен устроиться на работу, если не устроюсь, то могу быть лишен карточки (продуктовой – авт.)», – вспоминал впоследствии отставной офицер.

Именно в этот период стало понятно, что пребывание в немецком плену сыграло роковую роль в дальнейшей трудовой жизни Ивана Михайловича. Найти новую работу ему было очень не просто. Некоторые специальности ему не подходили по состоянию здоровья, в некоторые организации, особенно связанные с секретностью, его не брали из-за клейма бывшего военнопленного, при этом всегда находя для отказа благовидный предлог. Лишь благодаря помощи сослуживцев, в ноябре 1945 года Ивану Курашеву удалось устроиться на работу в Высшее арктическое военное училище (ВАМУ). Спустя полтора года он был уволен якобы в связи с сокращением должности. Позднее, в 1949 году, у И.М. Курашева хотели забрать военный билет офицера.

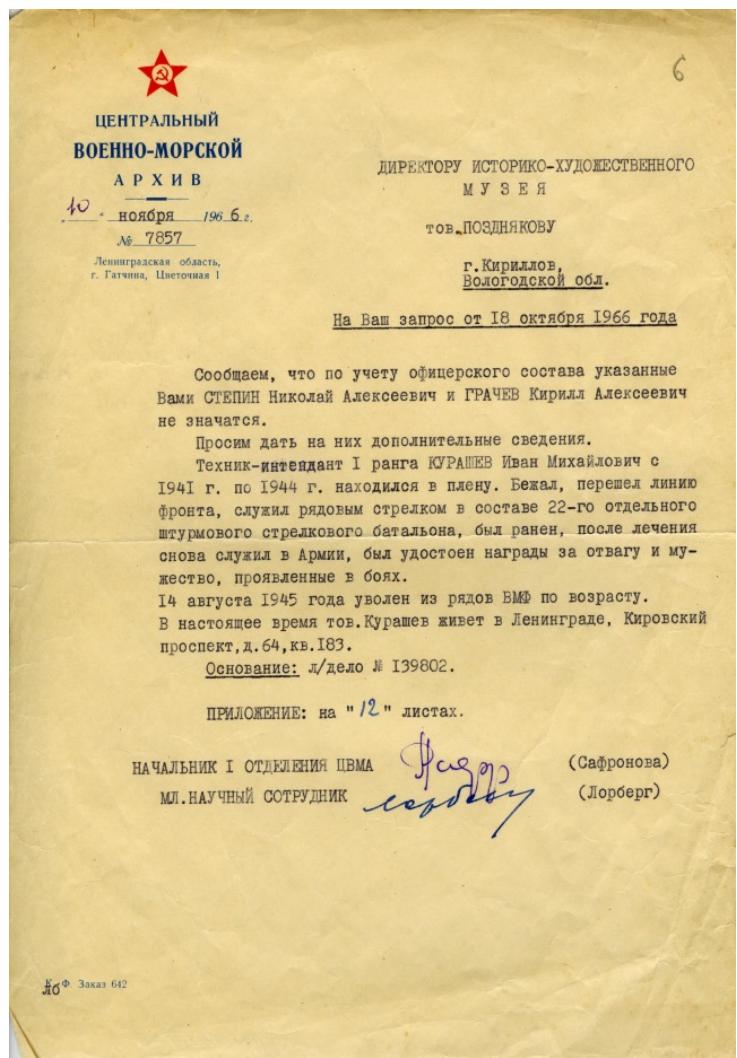
«Какое жестокое время было для нас всех, как я, бывавших в плену, независимо от того, что ты сотню раз доказал свою преданность в своих поступках и в бою своему советскому народу, своей любимой Родине...».

Ситуация изменилась лишь после 29 июня 1956 года, когда было вынесено постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «об устраниении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших незаконно арестованных, бывших военнопленных и их членов семей». И.М. Курашев на основании документа о ранении из эвакогоспиталя был представлен к правительственный награде, ему вручили орден Отечественной войны II степени за участие в боях за город Любаву в 1944 году. Жизнь, наконец, стала налаживаться.... В 1958 году как член КПСС Иван Михайлович активно включился в партийно-общественную и оборонную работу: был членом партбюро председателем комитета ДОСААФ первичной организации, а с 1960 года – внештатным сотрудником Ленинградской городской милиции¹⁵.

Фото 3. И.М. Курашев. Фото 1950-1960-е годы.

Фото 4. Ответ на запрос Кирилло-Белозерского музея-заповедника о И.М. Курашеве в Центральный военно-морской архив (г. Гатчина).

Последняя дата, которая встречается в воспоминаниях И.М. Курашева – 1960 год, вероятно, незадолго после этой даты они и были написаны. Даже по прошествии двух десятков лет Иван Михайлович помнил многие детали своей жизни в период Великой Отечественной войны, подробно описывал людей, с которыми приходилось встречаться в те

суровые годы. Его жизнь является наглядным примером судеб многих тысяч фронтовиков, по жестокому стечению обстоятельств, прошедших ужасы фашистского плена, а, впоследствии, испытавших грубые притеснения со стороны государства в годы правления И.В. Сталина. Воспоминания И.М. Курашева, как непосредственного участника событий, помогают современному поколению не только глубже понять, каким испытаниям подвергались люди в то непростое время, но и дать собственную оценку событиям прошлого.

Список архивных источников.

1. ОПИ КБИАХМЗ. Ф.2, оп.1, д.125.

Список литературы.

1. Ветераны Великой Отечественной войны. Вологодская область, Кирилловский район/[Ред. кол. В.А. Ненилин [и др.] - Кириллов, 2004.

Список Интернет-ресурсов.

1. Бомбардировки Берлина советской авиацией в 1941 году// <https://ru.wikipedia.org/wiki>
2. Героико-патриотический Форум России. Моонзунд: подвиг защитников архипелага//<http://voenspez.ru/index.php?topic=93.1360>
3. Советские военнопленные во время Великой Отечественной войны. Система немецких лагерей для военнопленных//<http://library.kiwix.org/wikipedia>
4. Заполянье (Псковская область)//<https://ru.wikipedia.org/wiki>
5. Подземелья Кёнигсберга. История Восточной Пруссии и Калининградской области. Штурмовой стрелковый батальон //<http://forum-kenig.ru/viewtopic.php?p=65375>
6. Форум Поисковых Движений. 22-й отдельный штурмовой стрелковый батальон//<http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=3513.0>
7. Москва форум. Штурмовые батальоны. ОШСБ//<http://moskvaforum.moibb.ru/viewtopic.php?f=20&t=973>
8. Эвакуационный госпиталь//<https://ru.wikipedia.org/wiki>
9. В. Шевченко «К вопросу об организации специальной проверки бывших военнослужащих в СССР в годы Великой Отечественной войны»//<http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-organizatsii-spetsialnoy-proverki-byvshih-voennosluzhaschih-v-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>

Теребова Людмила Владимировна,
заведующий научным отделом
Кирилло-Белозерский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

e-mail: электронный@адрес.ru
www.kirmuseum.ru

¹ ОПИ КБИАХМЗ. Ф.2. Оп.1. Ед. хр.125. Л.41.

² ОПИ КБИАХМЗ. Ф.2. Оп.1. Ед. хр.125. Л.8-162.

³ ОПИ КБИАХМЗ. Ф.2. Оп.1. Ед. хр. 125. Л.1.

⁴ Моонзундский архипелаг располагается в восточной части Балтийского моря на территории Эстонии и отделён от материка проливом Вийнамери. Остров Эзель (Сааремаа) – самый большой остров Эстонии и Моонзундского архипелага.

⁵ Соответствует званию старшего лейтенанта начальствующего состава РККА.

⁶ Героико-патриотический Форум России. Моонзунд: подвиг защитников архипелага. Сообщений: 3 932 Константин Борисович Стрельбицкий//<http://voenspez.ru/index.php?topic=93.1360>

⁷ Ветераны Великой Отечественной войны. Вологодская обл., Кирилловский район/[В.А. Ненилин [и др.]- Кириллов, 2004. – с.4.

⁸ Бомбардировки Берлина советской авиацией в 1941 году// <https://ru.wikipedia.org/wiki>

⁹ Лейтенант В.П. Попов в дальнейшем числился пропавшим без вести. Он погиб 5 октября 1941 года (был пленён и сожжён немцами на полуострове Сворбе).

¹⁰ Андреев Кирилл Андреевич – политрук, военный комиссар роты, числился пропавшим без вести на Эзель со 2 октября 1941, как и И.М. Курашев.

¹¹Лагеря для военнопленных делились на 5 категорий: сборные пункты; пересыльные («Дулаг», нем. *Dulag*), постоянные («Шталаг», нем. *Stalag*), офицерские («Офлаг», нем. *Oflag* от *Offizierlager*) и рабочие лагеря. Пересыльные лагеря, обычно располагались вблизи железнодорожных узлов. После первоначальной сортировки пленных отправляли в лагеря, имевшие, как правило, постоянное месторасположение в тылу, вдали от военных действий.

¹² Заполянье — деревня в восточной части Порховского района Псковской области.

¹³ Отдельные штурмовые стрелковые батальоны (ОШСБ) разновидность штрафных частей советских войск наряду с общеизвестными штрафными ротами и штрафными батальонами. Формировались из числа офицеров Красной Армии, которые побывали в плену или на территории занятой врагом и не имели возможности доказать факт своего участия в боевых действиях на временно оккупированной немцами территории СССР. "Штурмовики" принципиально отличались от штрафников тем, что они не были ни осуждены, ни лишены офицерских званий и наград. 22 ОШСБ в Действующей Армии с 16 ноября 1944г. по 29 марта 1945 г, затем расформирован.

¹⁴ Эвакуационный госпиталь (ЭГ, эвакогоспиталь) — специализированный госпиталь военного времени, в котором оказывается медицинская помощь и происходит лечение поражённых и больных; не имеет собственных транспортных средств, используется в составе госпитальных баз. Обычно размещается в приспособленных помещениях.

¹⁵ ОПИ КБИАХМЗ. Ф.2. Оп.1. Ед. хр.125. Л.1–3.